

А. ОЛЬХОН

55

Большевик
КОСТЮШКО
ВАЛЮЖАНИЧ

ОГИЗ 1949

А. ОЛЬХОН

**БОЛЬШЕВИК
КОСТЮШКО
ВАЛЮЖАНИЧ**

**ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949**

ГОДЫ ИСКАНИЙ

1

Высокий, щеголевато-затянутый в сверкающие ремни, капитан Шевардин курил папиросу. Ему предстояло томительное, бесконечно-пустое дежурство. Двадцать четыре часа скуки, нарушаемой только редкими минутами объяснений с провинившимися в чем-либо кадетами. Конечно, служить в кадетском корпусе легче, чем тянуть армейскую лямку, но зато—для строевого офицера—и скучнее. Капитан Шевардин всячески старался развлекать себя. Развалившись в кресле, он разглядывал лаковые голенища своих сапог и, лениво попыхивая папиросой, заканчивал очередной «разнос».

В трех шагах от капитанского кресла, вытянувшись по уставу, руки—по швам, пятки—

вместе, носки—врозь, стоял широкоплечий, низкорослый мальчуган. Круглая, стриженная голова кадета была неподвижна. Шею крепко зажимал тугой красный воротник мундира. Но живые, выразительно-умные глаза, совсем уже не по уставу, глядели мимо капитана, за окно. Там, в горячем полуденном солнце, гуляли воспитанники Псковского кадетского корпуса. В однообразных мундирах, в одинаковых фуражках, безликие, похожие друг на друга они чинно шагали под наблюдением своих ротных воспитателей. Казарменная пустота плаца уныло прерывалась в одном углу гимнастическими лестницами и столбами для лазания. Блестел на солнце желтоватый горячий песок.

Капитан Шевардин кончил разглядывать свои голенища и перевел круглые глаза на кадета:

— В последний раз спрашиваю, кадет Костюшко, почему вы оскорбили вашего законоучителя?..

— Я никого не оскорблял, господин капитан. Это поп...

— Как вы сказали?..

— Это законоучитель дернул меня за ухо, а я оттолкнул его руку.

— Да, но на уроке закона божьего вы занимались посторонними делами?..

— Я писал письмо домой... Катехизис я давно знаю и мне скучно слушать все одно и то же, господин капитан.

— Вам скучно на занятиях?

Капитан Шевардин сам чувствовал смертельную скуку, и поступок кадета показался ему не таким уж страшным. Но, конечно, нарушение дисциплины налицо, и безнаказанным это дело оставить нельзя.

— Доложите воспитателю: на месяц без отпуска. И... ступайте, кадет Костюшко. Не забывайте, что вы сын русского офицера. Ведите себя достойнее...

Кадет Костюшко повернулся по уставу— кругом—и, четко отмеривая шаги, вышел в коридор. Там он как будто переродился, утратил чинную скованность движений, по-озорному побежал. Стук кованых казенных сапог гулко разносился по высокому коридору. В дверях Костюшко налетел на старого унтера-дядьку. Тот беспокойно поджидал своего питомца.

— Все хорошо, Дементьич,—на месяц без отпуска...

Дядька Дементыч довольно ухмыльнулся. Среди кадетов-первогодников унтер Дементыч, старый корпусный дядька, был самым популярным человеком. Седой служака, одиноко проживший трудную солдатскую жизнь, ухаживал за своими питомцами, как самая заботливая нянька. Дядька Дементыч сердобольно покрывал проказы шалунов, всегда безотказно добывал для них «вольные» лакомства, следил за кадетской одеждой и обувью и, кроме того, был увлекательнейшим рассказчиком солдатских бывальщин и небылиц. В первый же год корпусной жизни офицерский сын Антон Костюшко-Валюжанич завел тесную дружбу с бывшим крепостным крестьянином, вечным бобылем—солдатом Дементычем.

Скучная, однообразно-тягучая корпусная муштра давила пытливый ум мальчика. Общеобразовательные предметы занимали в учебе будущих офицеров далеко не первое место. Мальчики, слетевшиеся в это казарменное училище, как птенцы из семейных гнезд, особенно первый год, тяготились серой бесцветностью существования. Выросший в замкнутой семье, Антон Костюшко первыми представлениями о жизненной действительности

был обязан дядьке Дементьичу. Бывший крепостной сумел внушить своему юному, впечатлительному слушателю горячую любовь к народу. Затаив дыхание, слушал Костюшко солдатские рассказы. Его симпатии были всегда на стороне обиженных и угнетенных. Следы гнева вызывали в нем рассказы о жестоких командирах, за пустяковые проступки забивавших солдат палками на «зеленой улице». Страшные повествования о засеченных и погибших на каторге солдатах навсегда остались в памяти молодого мечтателя...

Шли месяцы и годы. Способный ученик, любимец товарищей, Антон Костюшко стал юношей. Старика Дементьича уволили «по старости лет» в бессрочный. Он навсегда исчез из жизни Антона, но его простое слово попало на хорошую почву и не погибло бесследно. Горькая правда жизни привела молодого кадета к мыслям, непредусмотренным программой кадетского воспитания. В стенах корпуса вырос протестант, борец за правду, энергичный и искренний поборник справедливости. Начальник Псковского кадетского корпуса несколько раз писал отцу Антона о том, что сын его ведет себя «вызывающе, недостойно». На каникулах были весьма неприятные объяснения с отцом. Неприятные тем более потому,

что отец не мог понять сына. На все доводы отца молодой кадет заявлял, что он действовал как честный человек. Столкновения с корпусным начальством продолжались. Костюшко, в качестве делегата кадетов, заявлял протест против дурной пищи. «Это вопрос, не подлежащий обсуждению воспитанников корпуса»,—писал отцу Антона начальник, который очевидно был не прочь попользоваться казенными суммами, отпускаемыми на содержание кадетов. Разумеется, выступление Костюшко от имени всех учащихся было оценено как «нарушение дисциплины». Как особо провинившегося, молодого кадета наказали карцером. Но наказания не усмиряли Антона Костюшко. От несправедливых взысканий он лишь получил новую бунтарскую зарядку. Правдивый юноша видел бесцельность своего поведения, но подчиниться произволу он не мог и не хотел.

3

В последние годы корпусной учебы Костюшко пересмотрел свои жизненные планы. Выводы его были таковы: перейти в университет. Офицерская карьера утратила свою первоначальную заманчивость. Развивающийся ум

искал новых путей. Кончая корпус, Костюшко уже приготовился к решительному объяснению с родителями, но жизнь безжалостно разрушила юношеские мечты. В 1894 г. неожиданно умер отец. Кадровый офицер русской армии не успел дослужиться до больших чинов и оставил жене и детям только скромную казенную пенсию. Семья Костюшко сразу очутилась в тяжелых материальных условиях, все заботы о ней падали на Антона. Окончив корпус, он, как старший сын, имел право поступить в военное училище и через два года выйти офицером. Мысли об университете пришлось оставить. Смерть отца открыла перед сыном двери Павловского военного училища, одного из самых привилегированных военных училищ царской России. Отсюда открывался доступ в гвардию, легкий путь к военной карьере. «Павлоны»—воспитанники этого училища—отнюдь не напоминали разночинцев-кадетов. Большинство юнкеров происходило из аристократических фамилий. Надменные, вылощенные «павлоны» составляли особую группу даже среди офицерства.

В стенах училища Антон Костюшко почувствовал себя совершенно чужим. Надежды на пополнение знаний не оправдались. Шагистика, выправка, уставы,—вот что было основой

знакомых юнкеров не сомневались в том, что Костюшко-Валюжанич отбросит теперь всякие «чужачества со штафирками» и сделает карьеру. Между тем, только что произведенный подпоручик думал лишь об одном—как бы развязаться с полученными погонами и от службы царю перейти на службу народу. Ему было разъяснено, что за содержание в училище следует рассчитаться, а именно: он обязан прослужить три года. Выхода не было, но все-таки Костюшко удивил своих начальников. Из предложенного списка вакансий он выбрал Несвижский гренадерский полк, квартировавший к тому же в Москве.

— Почему не в петербургские гвардейские полки, почему именно в Несвижский, подпоручик?..—полюбопытствовал адъютант, передавая ему документы.

— За простоту формы, господин адъютант...—ответил, улыбаясь, Костюшко.

Он знал, что адъютант все равно его не поймет.

Готовясь прослужить положенные три года, Костюшко утешал себя надеждами, что в полку ему найдется не только казенная работа. О. Глаголева, в доме которой он впервые познакомился с революционной молодежью, пишет в своих воспоминаниях:

«...Он верил, что, находясь в близких отношениях с солдатами, он внесет в их среду много света, постарается развить некультурную массу и т. п. На мои замечания, что при военной постановке дела такие культурные задачи очень трудны, он отвечал полным недоверием»...

Вступив в солдатскую казарму, Костюшко впервые столкнулся с неприглядной действительностью. На все его обращения, как бы они ни были задушевные, солдаты отвечали только: «так точно» или «не могу знать». О культурной работе в казарме не приходилось и думать. Мордобой, грязная ругань, полное бесправие солдат сделали из людей манекенов. Поведение сослуживцев-офицеров раскрыло ему глаза: между командирами и солдатами стояла вековая стена взаимной классовой ненависти и недоверия. Живо припомнились Антону Костюшко рассказы дядьки Дементьича. И тогда стало ясно: пока он—«его благородие», пока на его плечах офицерские погоны, солдаты не могут увидеть в нем человека. Все попытки сближения с гренадерами вызывали молчаливое недоумение солдат и открытое издевательство сослуживцев-офицеров. Положение идеалиста-подпоручика стало непереносимым. Чужой, непонятный солдатам,

он стал чужим и непонятным в офицерской среде. Тогда Костюшко решился на крайние меры. Не дослужив еще и одного года, он стал искать способов любой ценой избавиться от ненавистного офицерского звания. Встретившись однажды с знакомым военным врачом-либералом, Костюшко откровенно объяснился и попросил совета. Врач отнесся к его планам сочувственно. Узнав, что когда-то в детстве Костюшко болел трахомой, он выдал медицинскую справку о непригодности к военной службе «из-за плохого зрения». Командир полка недолюбливал Костюшко, и сложное дело увольнения в запас прошло без всяких препятствий. Потомственные цепи военной касты были разорваны. Пристроив сестер на казенный счет в гимназию и тем самым освободив от забот старую мать, Антон Костюшко осуществил давнюю мечту о гражданском образовании. Он поступил в сельскохозяйственный институт в Новой Александрии.

ШКОЛА РЕВОЛЮЦИИ

1

Затяжные дожди висели над Россией. Была поздняя осень 1897 года. В квартире ново-александрийского агронома бурно шумело оче-

редное собрание социал-демократического кружка. Только что кончилось чтение реферата. Докладчик, пышноволосяй высокий юноша, распахнув косоворотку, яростно отбивался от возражавших слушателей.

— Мы, коллеги, марксисты. Да, да, марксисты, нам эти идеологические оговорки не нужны. Каков наш принцип? Классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата!..

Докладчик умело отбил от возражавших и, награжденный аплодисментами, уселся на свое место. С особенным возбуждением аплодировал невысокий, коренастый студент в помятой блузе. Это был первокурсник Антон Костюшко-Валужанич, новый член кружка. Реферат ему понравился, и пояснения докладчика об особенностях классовой борьбы раскрывали перед ним боевую направленность марксизма. В социал-демократическом кружке Костюшко обрадовало единство взглядов его участников. Здесь не было той пестрой сумятицы направлений, которую ему приходилось наблюдать в петербургском кружке Глаголевой. Впрочем и участники кружка здесь были людьми другого типа. Дети мелкой служилой интеллигенции, кустарей, ремесленников, «разночинцы», как их называли, учившиеся на трудовые гроши, они были ближе друг к другу

не только по взглядам на жизнь, но и по самой жизни.

Студентов, в большинстве людей начитанных, марксизм привлекал величественными перспективами пролетарской революции. Научная обоснованность теории, логичная стройность принципов владели молодыми умами...

В последние годы прошлого столетия некоторое политическое затишье сменилось новым подъемом революционного движения. В стране формировались первые массовые рабочие организации. Развертывалась огромная сеть социал-демократических кружков. В забастовках экономические требования уже сочетались с политическими выступлениями.

Марксизм—как революционное учение—давал исчерпывающий ответ передовым умам в их исканиях путей борьбы с самодержавием, путей революционного дела. В тысячах нелегальных кружках готовились кадры будущих руководителей пролетарской революции, пропагандистов, агитаторов.

2

Всею душой отдался Антон Костюшко революционной подготовке. Глубоко искренний, решительный, непоколебимый, он нашел в марк-

сизме программу осуществления своей мечты—служить народу. Вся его последующая жизнь—пример самоотверженной борьбы большевика за дело народа, за народное счастье. Тернист был этот путь...

В 1898 году, по доносу провокатора, большинство участников новоалександрійского кружка были арестованы. Костюшко-Валюжанич просидел в тюрьме несколько недель. Это было первое испытание. На допросах Костюшко проявил исключительную выдержку. Несмотря на свою неопытность, он вел себя как бывалый подпольщик. Жандармы ничего не могли от него добиться и, как заключает дело департамента полиции, вынуждены были освободить его «за отсутствием улик». После освобождения Костюшко целиком уходит в подпольную работу, отдавая ей все свободное от учебных занятий время.

Репрессии царского правительства против студенческих организаций вызвали среди молодежи открытые революционные выступления. Пример подали петербургские студенты. В начале февраля 1899 года на набережной Невы состоялась массовая демонстрация учащихся. На эту мирную демонстрацию петербургский градоначальник выпустил казаков. Дикое, кро-

вавое избиение безоружных студентов стало известно по всей России. Студенты Новоалександрійского института созвали сходку. Впервые, перед многочисленной аудиторией выступил Костюшко-Валюжанич. Он произнес горячую речь протеста против произвола самодержавия и предложил поддержать бастующих студентов Петербурга и Москвы. Предложение было принято подавляющим большинством. Занятия в институте были прерваны. В этот же день забастовщики избрали комитет, в состав которого вошел Антон Костюшко. Забастовочный комитет решил развернуть пропагандистскую работу и связаться с московским студенческим центром. Установление связи поручили Костюшко. В короткий срок он выполнил задание, тайно выехал в Москву, получил установки забастовочного центра о единстве действий и, возвращаясь в Новую Александрию, захватил с собою транспорт нелегальной литературы. В Москве он обратил на себя внимание филеров—агентов охраны—и возвращался в Новую Александрию уже под их наблюдением. Не подозревая о слежке, молодой революционер тем не менее проявил осторожность, запутал филеров и сумел нелегальную литературу сдать в надежные руки. Вечером в день приезда охранники нагрянули

на квартиру Костюшко с обыском, но было уже поздно: нелегальная литература жандармам не досталась. Обескураженные власти рвали и метали. Арестовать Костюшко было нельзя: не находилось «законного повода». Тогда администрация института, за отсутствием других обвинений, исключила Костюшко «за политическую неблагонадежность, как руководителя студенческой забастовки». Полицейские власти Новой Александрии, пользуясь этим, предложили Костюшко покинуть город. Исключенный студент не унывал, хотя попал в бедственное положение. Зачисленному в разряд «политически-неблагонадежных», ему была закрыта дорога в какое-либо другое высшее учебное заведение, на службу его тоже не принимали. Оставшись без средств существования, с большим трудом Костюшко устроился рабочим на постройку моста в Самаре. В рабочей блузе, с лопатой в руке Костюшко вошел в рабочую массу как равный. Вплотную столкнувшись с пролетариатом, живя его жизнью, здесь он сочетал теоретические познания о борьбе рабочего класса с практическими. Жизнь в Покровской Слободке, рабочей окраине большого города, была его революционной школой. На самом себе испытал Антон Костюшко тяжесть рабочей жизни. Мост

строили предприниматели, меньше всего думавшие об условиях труда. Работали по колено в воде, при любой погоде. Рабочий день длился 14 часов. Заболевших или слабых инженеры и подрядчики бесцеремонно увольняли. Этой участи не избежал и Костюшко. Простудив ноги, он заболел острым ревматизмом и слег. На другой день после неявки на работу его рассчитали. Он остался без денег, без работы, без помощи. К счастью, один из товарищей по петербургской жизни пригласил его погостить к себе в Кременчуг. Продав немудреные пожитки, Костюшко тяжело больной сел в поезд. Он с трудом двигался и, по приезде в Кременчуг, пролежал больше двух месяцев в постели. В общей сложности Костюшко проболел почти целый год. Но и больной он не терял времени, занимался иностранными языками, много читал. Осенью 1900 года Костюшко удалось снова устроиться в высшее учебное заведение. На этот раз он поступил в Екатеринославское горное училище, где уже «осело» немало знакомых ему студентов, выгнанных из столиц.

Зимой 1900 года Екатеринославская подпольная организация РСДРП приняла Антона Антоновича Костюшко-Валужанича в члены

партии. В следующем году он был введен в состав Екатеринославского партийного комитета.

В ПАРТИИ ВОСХОДЯЩЕГО КЛАССА

1

Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков—единственная партия, чья программа принималась как родная молодым классом пролетариата России. Под знаменами своей партии передовая рабочая масса быстро организовывалась. В 1900—1903 годах большинство с.-д. кружков уже объединялось и руководилось местными комитетами. Встав во главе рабочего революционного движения, молодые партийные центры повели углубленную агитационно-пропагандистскую работу в массах. Политико-воспитательная работа была гем участком, где большевик Костюшко-Валюжанич, по поручению Екатеринославского комитета, начал свою партийную деятельность. Революционная школа, пройденная Костюшко в жизни и борьбе, изменила его внутренний облик. Идеалистические искания были изжиты.

В выступлениях молодого агитатора-большевика на собраниях и митингах рабочая масса видела железную волю, рассудительную выдержку, ясность революционной мысли и волнующий энтузиазм.

Личное обаяние Костюшко было очень велико. Его зажигательное слово пользовалось широкой популярностью среди пролетариев Екатеринослава.

Не прерывая учебы в горном училище, Антон Костюшко вел большую партийную работу...

Во время конспиративной явки, в чайной общества трезвости, на городской окраине, Костюшко встретил будущего товарища и друга своей жизни—Таню Жмуркину.

Случайная встреча закончилась знакомством, сыгравшим большую роль в жизни молодого подпольщика. Полюбив простую, малокультурную девушку, Антон Костюшко помог ей преодолеть малограмотность, сам занялся ее идейно-политическим воспитанием, подготовил и ввел ее в подпольный партийный кружок. И в личной жизни большевик подал пример нового отношения к женщине, воспитав в ней борца за дело народа.

В то время, когда Костюшко вел незаметную, трудную работу пропаганды большевизма, революционное движение охватило студенческие массы настолько широко, что правительство Николая кровавого решило пойти на самые крутые репрессии. Массовые аресты, отдача в солдаты, ссылка в Сибирь без суда и следствия—отметили начало 1901—1902 учебного года. В ряде университетских городов произошли вооруженные столкновения студентов с полицией и войсками. Комитеты РСДРП призывали к поддержке студенчества. Волнения вспыхнули и в Екатеринославе. По инициативе Костюшко партийный комитет решил совместно со студентами провести массовую демонстрацию. Подготовительная работа была поручена Костюшко. 15 декабря 1901 года¹ состоялась, отмеченная во всей России, революционная вылазка екатеринославских рабочих и студентов. За несколько дней до демонстрации появилась прокламация, напечатанная комитетом РСДРП.

«Т о в а р и щ и !

Студенты решили устроить демонстрацию с целью

¹ Все даты по старому стилю.

выразить свое негодование и возмущение против ига самодержавного правительства.

Мы, рабочие, еще более страдающие от произвола и насилия правительства, присоединимся к студентам и выйдем в субботу 15 декабря, в 5 часов вечера на проспект у пересадки на Иорданскую и в воскресенье в 4 часа—на проспект у Яковлевского сквера, для выражения протеста царю и его приспешникам!

Вперед за свободу!
Долой самодержавие!
Да здравствует социал-демократия!»

На столбах, заборах, витринах—всюду виднелась эта прокламация, ее находили даже в ящиках для писем и на дверях полицейских участков. В ответ на это екатеринославский губернатор, граф Келлер, расклеил «обращение к населению». Келлер предупреждал, что демонстрацию он не допустит и угрожал всем, вышедшим на улицу в указанное время, «строжайшим наказанием». Таким образом губернатор сам извещал население о предстоящей демонстрации. Подготовка прошла удачно, и в назначенный день, задолго до условленного часа, толпы любопытствующих появились на месте сбора. В назначенное время собрались и демонстранты. Один из рабочих участников демонстрации так пишет в своих воспоминаниях:

«...Сговорились мы со студентами горного института по главе с Костюшко и решили пойти на эту демонстрацию... Я помню, мы насчитывали до 400 человек всех, которые решили с нами выступить, а затем мы были уверены, что с нами пойдут 1—2 тысячи рабочих... Двинулись небольшими группами на проспект в 5½ часов. День был пасмурный. Заняли мы один сквер. Затем к нам присоединились студенты. Мы заняли и второй сквер... Выбросили два красных знамени и пустились с пением. Мы успели пройти второй сквер. Казаки стали по обеим сторонам, потом они перерезали нам дорогу, и мы, вся рабочая группа, целиком оказались в одном скверике, окруженном каменными. А там, в сквериках есть выходы по обеим сторонам. Главные выходы заняли казаки, оказался один свободный выход налево, против которого был магазин. Я, Никанор и вся наша группа заняли этот проход, выхватили дубинки, стали колотить полицейских и солдат и начали выпускать публику»...

3

Рабочие энергично отбивались палками и камнями, менее решительных студентов ободрял Костюшко. Вместе с Таней Жмуркиной он охранял красное знамя. Вначале Антон пытался сказать речь, его уже подняли на руках над морем человеческих голов. Но едва он успел крикнуть: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода»,—как отряды пьяных казаков и солдат ринулись на демонстрантов, избивая всех без разбора при-

кладами, нагайками, топча конями. Любопытствующие обыватели разбежались и с приличного расстояния наблюдали настоящий уличный бой. Демонстранты упорно сопротивлялись, но силы были неравные. Костюшко, защищая красное знамя, был сбит с ног. Лежачего его несколько раз хлестнули нагайкой по лицу. Казак сшиб плетью Таню Жмуркину. В это время рабочие разворотили мостовую, и град увесистых булыжников остановил натиск полиции. Демонстранты стали разбегаться. За убегающими охотились казаки и солдаты. В пылу служебного усердия полиция не произвела даже арестов. Сообщая о разгоне демонстрации, жандармы писали: ...«военно-полицейская команда, увлекшись физическим воздействием на толпу, с целью рассеяния последней, совсем не обратила внимания на ее руководителей»...

Революционная вылазка рабочих и студентов закончилась поздно ночью совещанием руководителей выступления на квартире Костюшко. Избитый, с забинтованным лицом, Антон не потерял боевого духа. Он считал, что демонстрация произведет большое впечатление на массы, и ее агитационное значение скажется в дальнейшей работе. Некоторые участники совещания внесли малодушное предложение:

вторую демонстрацию отменить. Костюшко горячо возражал. Дни демонстрации были объявлены партийной прокламацией, и отмена вторичного выхода могла быть истолкована массами как слабость партийной организации. Кроме того, срыв второй демонстрации был бы торжеством полиции. Костюшко внес предложение изменить лишь место сбора демонстрации и провести ее не на бульварах, неудобных для свободного движения, а в рабочем предместье. Совещание приняло план Костюшко. Всю ночь по квартирам рабочих и студентов ходили добровольцы, извещая о новом месте сбора. И на другой день, 16 декабря, неожиданно для успокоившейся полиции, в рабочем предместье—«Первой Чечелевке» демонстрация состоялась вторично. С красными знаменами и революционными песнями демонстранты прошли по рабочим кварталам. Казаки опоздали, после краткого столкновения все демонстранты благополучно разошлись. Губернатор был взбешен дерзостью «крамольников». Жандармы получили нагоняй и приложили все усилия для разгрома рабочих и студенческих организаций. Костюшко-Валюжанича, как фигуру наиболее заметную, арестовали вместе с Таней Жмуркиной. При обыске у него нашли красное знамя, бывшее на демонстрациях,

прокламации комитета, работы В. И. Ленина, номера «Искры» и другую нелегальную литературу. На этот раз улики были налицо. Костюшко посадили в одиночку. На допросах он отказался дать какие-либо показания о революционных организациях и их участниках. Вскоре «за нарушение тюремного режима», в виде наказания, его перевели из Екатеринославской в Новомосковскую тюрьму, где он и просидел 13½ месяцев.

Однако, тюрьма не сломила его волю. Всегда стремившийся к знанию, Антон Костюшко продолжал учиться и в тюремном заключении. Он усердно занимался физикой, математикой, литературой. Списки книг, которые он просил доставить в тюрьму, изумляли его родных. Единственное, что угнетало его в одиночке—это изолированность от политической жизни. Вести с воли приходили в тюрьму конспиративными путями и очень редко...

По «высочайшему повелению» 12 февраля 1903 года Костюшко был объявлен приговор— пять лет ссылки в отдаленные места. Таня Жмуркина по тому же приговору получила три года ссылки в Уфимскую губернию, но, воспользовавшись своим официальным положением невесты, подала заявление о добровольном следовании за своим женихом. В кон-

це февраля этапная партия ссыльных двинулась в Сибирь. Решетчатые вагоны загремели на горных перевалах. Россия, друзья, молодость—остались за Уральским хребтом.

Впереди—ледяной пустыней надвигались места отдаленные.

МЕСТА ОТДАЛЕННЫЕ

1

Далекie якутские окраины, непроходимые чащи, вековая тайга, голая тундра. Редкие поселения, полное бездорожье. Забытые, вымирающие туземцы. Голод, глушь, безотрадная гиблая пустыня. Таковы были «отдаленные места» в эпоху царизма.

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, правительственные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших

людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин.»¹

Ссылка на крайний север, по приговорам судов и «охранным порядкам», была одним из излюбленных средств борьбы самодержавия с революционерами. Десятки тысяч борцов за свободу прошли этапами в Якутскую область, входившую тогда в состав Восточно-Сибирского (Иркутского) генерал-губернаторства. Тысячи людей погибли в ссылке. Их могилы сохранились до нашего времени как памятники великой истории борьбы трудящихся за свободу. Память погибших хранят счастливые поколения людей нашей эпохи, под руководством Ленинско-Сталинской партии, превративших Сибирь каторги и ссылки в Сибирь социалистическую.

В темные годы прошлого единственным путем сообщений с северными окраинами были реки. Каждую весну, после ледохода, десятки паузков—неуклюжих деревянных барок, переполненных ссыльными и их семьями, сплывали из Верхоленска и Качуга вниз, по течению холодной Лены. Этапные партии двигались непрерывно от ледохода до рекостава. Путе-

¹ Сталин. Марксизм и национальный вопрос, Партиздат, 1938, стр. 61.

шествование самосплавом до Якутска занимало целые месяцы. И целые месяцы ссыльные сидели в холодных, сырых паузках, окруженные коновоем. На берег выпускали редко. Пищу обыкновенно готовили только во время остановок на ночлег. Бесконечной лентой тянулась к Ледовитому морю многоводная Лена.

В прибрежных поселениях этапные паузки обычно встречали местные ссыльные. Эти краткие встречи были самыми яркими минутами томительного, подневольного путешествия. Приезжающие обменивались письмами, новостями. Широко развитая товарищеская взаимопомощь поддерживала неимущих, старики-ссыльные всегда охотно помогали проезжающим товарищам чем могли, снабжали продуктами питания, давали одежду... С каждым днем пути все шире и пустынное становилась река. Культурный мир остался на железнодорожной магистрали. В Якутске этапников распределяла местная власть. Отсюда многим предстоял еще более долгий и трудный путь в Колымск и Верхоянск. Не сладко было и тем, кого поселяли в Якутском округе. Вновь прибывших направляли в самые глухие наслеги (деревни). В годы царизма якутские наслеги меньше всего напоминали собою настоящую деревню. В наслеге, очень часто, на-

считывалось всего 3—5 юрт, раскиданных по урочищу в 3—15 км одна от другой. Между юртами не было даже дороги, ее заменяли вьючные или пешеходные тропы. Конвойный казак, привезя в такой наслег политического ссыльного, оставлял его на произвол судьбы: место для поселения назначено—живи, как знаешь. Якуты волей-неволей вынуждены были принимать ссыльных, а иногда, по мере возможности, даже кормить. Трудно было непривычному человеку освоиться с жизнью в наслеге. Якутская юрта представляла собою полубревенчатое, полуземляное сооружение с плоской крышей, покрытой дерном. Внутри—теснота и грязь. Люди вместе с телятами и коровами. На земляном полу вечная сырость. Узенькие прорезы окон затянуты бумагой или грязной тряпкой. Зимой вместо рам и стекол в окна вставляли льдины. Посреди юрты копящийся камелек, сбитый из глины. Якуты отдаленных наслегов не имели ни мебели, ни самоваров, вся посуда была самодельной: из березовой коры, сшитой конским волосом. На две семьи один котелок, один чайник—это считалось—живут зажиточно. Петербургский адвокат В. Беренштам, посетивший Якутию в 1904 году, так описывал обитателей одного наслега вблизи Якутска: «...Дети совершенно голые.

Пицета, ободранность взрослых—ужасная. Не и голодный год, а всегда едят только рыбу да молоко в разных видах с вареною «заболонью»—молодой, белой сосновой или лиственничной корой, находящейся под наружной красной. Ее они режут то длинными нитями—лапшой, то кусочками, то измалывают как муку и готовят лепешки—«хлеб»...»

В таких условиях жило до революции большинство коренного населения края—якутов. Такая же жизнь предстояла и ссыльным, прибывшим в наслег. Голодали якуты, голодали и ссыльные. Хорошо, если ссыльный знал какое-нибудь ремесло, тогда он мог еще немного заработать. Людям интеллигентных профессий приходилось или идти в батраки, или жить на казенное пособие, которого не всегда хватало, например в Колымске, на пуд хлеба. Медленная голодная смерть—вот чем была политическая ссылка в «места отдаленные».

2

Осенью 1903 года Антон Костюшко, вместе со своею невестой Таней Жмуркиной, испытал всю тяжесть ленского этапа, прибыл в Якутск и был назначен на жительство в Намский улус (полость). Наслег, отведенный ему для поселения, состоял из трех полуразвалившихся юрт,

наполненных семьями голодающих якутов. Жить в наслеге было совершенно невозможно. Нарушая все правила, Костюшко самовольно вернулся в Якутск и потребовал перевода в другое, более населенное место. Он сам выбрал себе довольно большое село Марха, вблизи города. Якутский исправник, занимавшийся расселением ссыльных, был крайне неприятно изумлен настойчивостью Костюшко. После долгих объяснений, перевод все же разрешили. Костюшко, вместе с Таней, переехал в Марху, где и поселился, наняв домик у ссыльного-сектанта.

Для того, чтобы жить—надо работать, но где работать ссыльному, находящемуся «под гласным надзором полиции», да и какую работу мог найти образованный человек в бедном якутском селе. На казенное пособие не проживешь—это стало ясным сразу. Надвигалась лютая зима, надо готовить теплую одежду, запастись дровами,—на все это понадобились немалые деньги. Антон Костюшко долго не раздумывал. В Мархе ценились люди физического труда, ремесленники, кустари. Костюшко неплохо знал столярное мастерство. Он купил себе набор инструментов и занялся изготовлением табуреток, столов, бочек и другой хозяйственной утвари. Заказы посыпались со всех

сторон. Таня, понемногу освоившаяся в новой обстановке, завела несложное домашнее хозяйство. По вечерам на квартиру Костюшко сходились почаевничать местные ссыльные, а иногда наезжали гости из соседних наслогов. Все разговоры, естественно, сводились к вопросу о бедственном положении ссылки. Дело в том, что с приходом к власти известного черносотенца-палача Плеве в истории политической ссылки наступила новая полоса ожесточенной борьбы. Плеве решил во что бы ни стало задушить революцию и «подтянуть ссылку». Немедленно по назначению на пост министра внутренних дел, он командировал в Сибирь некоего жандарма фон-Валя, для специального обследования положения ссыльных.

Итоги поездки немца-жандарма фон-Валя были необычайны даже для эпохи черной реакции. Военный генерал-губернатор Восточной Сибири Пантелеев, сам бывший шеф жандармов, был заподозрен «в послаблении политическим ссыльным» и отстранен от должности. Новый начальник края, ставленник Плеве, граф Кутайсов получил от своего покровителя историческую установку произвола: «всякое превышение власти покую, а послабление не потерплю». Сиятельный граф поторопился выполнить приказ начальства. Немедленно по

приезде в Иркутск, новый генерал-губернатор издал множество гласных и «негласных» циркуляров, направленных против политической ссылки. Многие циркуляры нарушали даже куцые царские законы. Циркуляры Кутайсова запрещали: общение ссылных друг с другом, общение с населением, встречи («свидания») проезжающих ссылных с местными, всякие отлучки с мест поселения. Вся корреспонденция ссылных была подчинена полицейской цензуре. Многие были лишены грошевых казенных пособий. Наблюдение за поведением политических ссылных было доведено до пределов мыслимых возможностей. В практику надзора были введены произвольные обыски. Штаты шпионов, наблюдателей, полицейских увеличились. Но даже усиленная сеть надзора не могла на практике выполнять все кутайсовские циркуляры. Для характеристики кутайсовских приказов приведем «формы сведений о поведении политических ссылных». Вот этот сумасшедший документ жандармского крючкотворства:

«ФОРМЫ СВЕДЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ».

Форма А. Имя, фамилия. Чем занимался в течение дня и как именно (читал, спал, ходил в лавку такого-то, из квартиры такого-то возвратился в... час.

дня, вечера). Кто посетил ссыльного, в каком месте (некто в час дня, ушел, тогда-то, говорил что-либо в своем положении). Особые отметки о поведении в течение дня (у такого-то сошлись; были шумные разговоры. Разошлись в ...час. дня, вечера).

Верно: _____ подпись.

Сведения по форме А доставляются ежедневно.

Форма Б. Прибыл с квартиры, со станции жел. дороги или парохода, остановился кварт., документ на жительство. Прибывший посетил... тогда-то и как долго.

Верно: _____ подпись:

Сведения по форме Б представляются по истечении суток по прибытии на квартиру ссыльного лица другого ссыльного».

Жандармы, полицейские и шпионы усердствовали. Циркуляры следовали за инструкциями, инструкции за циркулярами. Все «поднадзорные» удалялись из городов и поселений, расположенных вблизи линии жел. дорог. Без всякого повода целые колонии ссыльных переводились из мест «не столь отдаленных» в «места отдаленные». Для репрессий изыскивались всяческие случаи. По царскому закону ссыльный имел право на отлучку, в пределах своего стана или земского участка, без всякого особого разрешения. После циркуляров Кутайсова за отлучку к врачу, за про-

гулку из села; за несколько верст, за выход из деревни на охоту и т. д. ссыльных стали арестовывать и переводить в гиблые пустыни Верхоянска и Колымска. По закону обыски должны были производиться только полицейскими чинами. Но когда трое ссыльных—Шадовский, Вейх и Залкинд,—застав у себя на квартире двух шпионов в штатских костюмах, залезших для обыска в запертую квартиру через окно, выгнали их, то по кутайсовской резолюции ссыльные были обвинены «в открытом сопротивлении полиции», арестованы и высланы на Крайний Север с прибавкой срока. Притеснения и разгул кутайсовщины не имели границ. Местные власти умышленно не выдавали разрешений на отлучку по самым уважительным причинам. Запрещали выезды к врачам, выезды за покупкой хлеба или одежды, которые в глухом наслеге невозможно достать. В завершение всего Кутайсов запретил возвращать ссыльных за казенный счет. Дорога в Европейскую Россию не только из Колымска или Верхоянска, но и из Якутска стоила сотни рублей. По положению, отбывшие срок ссылки и не имеющие средств получали бесплатный проезд на родину за счет казны. Новым циркуляром ссыльные, особенно рабочие, были поставлены в положение вечных

поселенцев. За каждое возражение против кутайсовщины беспощадно арестовывали и гнали в самые северные округа. Длинные вереницы этапов новых жертв самодержавия тянулись на «полюс холода»—в Верхоянск, в семидесятиградусные морозы, к голодной смерти «в отдаленные места Российской империи».

Но помириться с ухудшением своего положения политическая ссылка не собиралась, она готовилась к протесту. Недоставало только боевых организаторов, способных встать во главе движения. Руководители эти нашлись—их выдвинула большевистская часть ссылки. Социал-демократы-большевики в ссылке не успокаивались, они не собирались отдыхать, не считали себя, как другие,—«в революционном отпуске» и, в отличие от ссыльных, членов других партий, не прекращали партийной работы ни при каких условиях. Поддерживая неразрывную связь со своими партийными центрами, они продолжали свою героическую борьбу за освобождение трудящихся.

Руководимая большевиками политическая ссылка должна была по-боевому ответить на кутайсовский режим. И она ответила. Этот ответ занесен в летописи истории революции под именем «романовского протеста».

В начале февраля 1904 года, в селе Маган, возле Якутска, собралось тайное совещание ссыльных. Только что приехавший зимним этапом новый ссыльный рассказывал о трагичных злоключениях своего этапа. Эта новость была уже широко известна, но все настороженно слушали. Рассказ был потрясающий. Этап шел после проведения кутайсовских циркуляров в жизнь. В Усть-Куте этапная партия встретилась с местными ссыльными. Усть-кутский пристав, совместно с начальником конвоя, решил во что бы то ни стало выполнить приказ о запрещении «свиданий». Местных ссыльных отогнали от этапа прикладами. А когда возмущенные этапники отказались следовать дальше, конвой и отряд стражников зверски избили весь этап—и мужчин и женщин. Окровавленных, истерзанных людей связали веревками, уложили вповалку на сани и в таком положении повезли при сорокаградусном морозе до следующей деревни. В пути многие тяжело обморозились, и их пришлось оставить для оперирования обмороженных конечностей в ближайшей больнице.

— Что же, товарищи, делать? Неужели покорно подчиниться кутайсовским циркулярам?—закончил свою речь рассказчик.

Всю ночь шло совещание ссыльных. Много прозвучало горячих речей. Участники совещания показали себя настоящими революционерами, они решили пожертвовать собой ради облегчения участи всей массы политических ссыльных. Формой протеста было избрано вооруженное сопротивление насилию властей. За это грозили виселицы военно-полевого суда, но иного выхода не было. Началась подготовка протеста. На последующих совещаниях в Якутске были разработаны подробные планы действий.

Не все ссыльные поддержали инициативу протестантов. Эсеры, по своей тактике предателей, всячески старались сорвать коллективное выступление. Они образовали целую группу «контрпротестантов» и повели агитацию среди ссыльных, открыто призывая подчиниться произволу. Эсеровские провокации остались безрезультатны, выступление состоялось под руководством социал-демократов большевиков. Главными вдохновителями вооруженного протеста были—соратник Ленина и Сталина Виктор Курнатовский и Антон Костюшко-Валюжанич. Они рассчитывали, что протест может закончиться общим восстанием ссыльных и ускорит революцию. На одном из совещаний Костюшко даже предложил поднять в

Якутске восстание, разоружить солдат и полицию и захватить власть в округе. Но это предложение было признано остальными участниками неосуществимым. Зато, при выработке требований властям, Курнатовский и Костюшко добились твердых политических формулировок. Специально составленное в адрес якутского губернатора письмо по существу было ультиматумом. Ссылные в своем письме заявляли:

«...Служить объектом произвола и административных измышлений, откуда бы они ни исходили, мы не желаем и заявляем, что никто из нас не уедет из Якутска и что мы не остановимся перед самыми крайними мерами до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие требования:

1) Гарантия немедленной, без всяких проволочек и пререканий, отправки всех окончивших срок товарищей на казенный счет.

2) Отмена всех, изданных в последнее время, распоряжений о стеснении и почти полном воспрещении отлучек.

3) Отмена всяких, кроме точно указанных в «Положении о гласном надзоре», репрессий за нарушение этого положения.

4) Отмена циркуляра, запрещающего свидания партий с местными политическими ссылными.

5) Гарантия в том, что никаких репрессий по отношению к лицам, подписавшим настоящие требования, не будет».

Это письмо подписали организаторы протеста—42 человека.

События, известные под именем «романовского протеста», начались 18 февраля 1904 года.

Ранним утром в Якутское полицейское управление явился домовладелец, якут Романов. Испуганным голосом он сообщил дежурному городовому, что в его собственном доме, на Поротовской улице, где квартировали двое ссыльных, происходит что-то необыкновенное: собираются неизвестные люди, приезжают и отъезжают подводы, идет шум и стук.

Действительно, в доме якута Романова творились в это утро небывалые дела. Группы политических ссыльных торопливо и озабоченно разгружали подводы, заносили в дом мешки хлеба, муку, мясо, круги замерзшего молока, топоры, мотки телеграфной проволоки и множество толстых лиственничных плах. Вороха продуктов и предметов быстро исчезли внутри дома. Затем несколько подвод привезли целую гору «сухой воды», т. е. льда, заменявшего якутянам в зимнее время удобства несуществующего водопровода. «Сухую воду» также быстро убрали на кухню, где для поддержания необходимой температуры выбили стекла в рамах. Затем, поразительно быстро, исчезли со двора штабеля дров, заготовленных на зиму. Потом люди ушли в дом, двери

захлопнулись и на Поротовской улице снова стало пустынно и тихо. Только изредка к дому Романова пробегали фигуры запоздавших ссыльных. Внутри этого незаметного, на первый взгляд, здания кипела оживленная работа. Как в потревоженном улье гудели многочисленные голоса мужчин и женщин. Собравшиеся ссыльные разделились на группы, и каждая из них занималась своим делом. Одни раскладывали поудобнее в намеченные места запасы провианта; другие листовничными плахами баррикадировали двери и окна; третьи разбирали и распределяли оружие. В короткий срок все было приведено в порядок. Товарищи, согласившиеся остаться на свободе для поддержания связи и содействия протестантам, получили последние указания и покинули дом. Они захватили с собой обращение к губернатору для немедленной передачи по назначению. После ухода товарищей начали баррикадировать сени и укреплять входную дверь. Из телеграфной проволоки сделали заграждения для задержки штурмующих солдат. В том, что дом будет подвергнут немедленному штурму воинской командой, никто не сомневался. Работниками по подготовке к обороне и распределением оружия руководили В. Курнаровский и Антон Костюшко-Валюжанич. Свои

познания в военном деле Антон готовился использовать с наибольшим практическим результатом. Костюшко огорчал недостаток оружия. У всех протестантов—«романовцев», как их стали называть впоследствии, было всего-навсего 25 револьверов с небольшим запасом патронов, десяток охотничьих ружей, две старинные берданы, дюжина американских—с длинными ручками—топоров и финские ножи. С таким оружием приходилось надеяться только на непродолжительную оборону. Впрочем все были охвачены нервным подъемом и готовились недешево продать свои жизни.

Работы по внутреннему укреплению здания еще не были закончены, как выставленные часовые сообщили о приезде губернатора и полицмейстера. Их сопровождало несколько городских. Оставив полицейских на приличном расстоянии, исполняющий обязанности якутского губернатора Чаплин и полицмейстер Березкин подошли к забаррикадированной двери и заявили о своем желании говорить с делегатами ссыльных. Так как дверь была прикрыта полубаррикадой, а перелезть через нее, несмотря на любезные приглашения «романовцев», Чаплин побоялся, переговоры велись в сенях, на тридцатиградусном моро-

зе. Зябко кутаясь в шинель, встревоженный неприятным для него событием, губернатор заявил, что удовлетворить требования ссыльных он не может. В отношении последнего пункта Чаплин сказал, что он гарантирует полную безнаказанность всем, кто согласен сейчас же разойтись, разъехаться по местам жительства и отказаться от дальнейшего протеста. На предложение губернатора делегаты «романовцы» ответили категорическим отказом. Губернатор уехал, а вблизи «романовки» появились полицейские посты. Три дня прошли без всяких действий, но в напряженном ожидании. Якутские власти растерялись, не зная что делать. Задача—рассеять группу вооруженных людей, забаррикадировавшихся в центре города,—была достаточно сложной. Губернатору грозили большие неприятности. Телеграф понес донесения в Иркутск и Петербург. За три дня «романовцы» основательно укрепились, устроили бойницы, установили боевые правила, дневной и ночной караулы. Пользуясь тем, что полицейские-постовые ничего не решались предпринять, к осажденным присоединились ещё 13 товарищей, съехавшихся из разных мест. Таким образом «романовка» насчитывала уже 55 революционеров, готовых к борьбе. Через три дня власти

пытались вести новые переговоры, но безуспешно,—ссылные настаивали на удовлетворении своих требований. Тогда дом оцепили солдаты воинской команды, и всякое сообщение с городом было прервано. От открытых действий обе стороны все еще воздерживались. Губернатор надеялся, что когда у осажденных выйдут все продукты, они будут вынуждены сдаться добровольно. Ожидания губернатора не оправдались. Над «романовкой» взвилось красное знамя, оно грозно, вызывающе реяло над притихшим Якутском почти три недели..

В забаррикадированном доме шла осадная жизнь. Утрами вставали очень рано, топили печи, умывались, ставили самовары, пили по сменам чай, убирали комнаты, обедали. Спали на полу. Днем и ночью в четыре смены дежурили часовые у окон и дверей. Женщины несли все работы наравне с мужчинами. Настроение у всех было исключительно боевое.

Осадную жизнь разнообразили тайные сношения с «волей». На другой стороне Поротовской улицы, в доме напротив «романовки», жили две политические ссылки. У них была превосходная полярная ездовая собака, привезенная с берегов Колымы. Собака носила смешную кличку «Иголкин». «Иголкин» знал

почти всех якутских ссыльных. Обыкновенно «Иголкин» сидел на крыльце напротив «романовки» и стоило только было помахать ему куском сушеной рыбы, как он, минуя солдатское оцепление, стрелой перебежал улицу и пробирался через заграждения внутрь дома. К ошейнику «Иголкина» привязывалась почта: письма, записки и т. д. Смышленный «Иголкин» получал сушеную рыбу, до которой был большой охотник, и, покончив с угощением, также стремительно возвращался домой к поджидавшим его хозяйкам. На следующий день собака тем же путем аккуратно несла обратную «почту» и так же возвращалась с новыми записками, адресованными на свободу. Никто из солдат и полицейских, оцепивших дом, так и не догадались о причинах прогулок «Иголкина», повторявшихся на их глазах ежедневно. Эта маленькая хитрость принесла осажденным большую пользу: за три недели они не потеряли связи с внешним миром. Не ограничиваясь «почтой», осажденные революционеры предприняли несколько вылазок. Один товарищ ночью, закутанный в простыню, прополз в сугробах снега мимо оцепления и, выполнив поручение осажденных, благополучно вернулся в «романовку». А осада все тянулась и тянулась.

На двенадцатый день ночью пробирались через оцепление двое ссыльных. Их задачей было пополнить любыми средствами иссякающие запасы провизии. Смельчаки закупили в городе 10 пудов печеного хлеба и другую провизию и наняли у одного извозопромышленника две упряжки добрых коней, с целью якобы прокатиться за город. Во время закупок к смельчакам присоединились еще двое ссыльных, решивших вместо назначенной отправки в Верхоянск—умереть на баррикадах «романовки». И вот, поздно ночью, нахлестав лошадей, вся компания вихрем пролетела мимо расступившихся солдат к «романовке». Осажденные с восторгом встретили товарищей и на глазах у ошарашенных солдат быстро разгрузили подводы. Пустые сани были переданы ближайшему поставому. Ссыльные сообщили адрес и фамилию владельца лошадей, и полиции осталось только вернуть подводы их владельцу. Губернатор, узнав о дерзких вылазках «романовцев», отдал приказ: вооруженной силой прекратить сообщение осажденных с городом. Военское оцепление охватило дом Романова тесным кольцом. Четвертого марта начальник команды спровоцировал пьяных солдат на стрельбу.

Обороняющиеся ссыльные ответили выстрелами. Двое солдат были убиты. Среди «романовцев» тоже появилась первая жертва. Простреленный солдатской пулей пал социал-демократ, молодой рабочий Юрий Матлахов. Солдаты изрешетили пулями весь дом и, если бы внутри комнат не было построено, по настоянию Костюшко, заграждений из листовенных плах, то большинство ссыльных было бы убито первыми залпами. После перестрелки, к «романовке» снова приехал губернатор и полицмейстер. Полагая, что перепуганные ссыльные сдадутся, губернатор вновь начал переговоры. Но революционеры были непреклонны. Алое знамя над крышей дома опустилось на несколько минут, затем снова поднялось с черной траурной каймой. Весь Якутск, затаив дыхание, дожидался развязки. О «романовском протесте» заговорили в далекой России. Власти решили как можно скорее ликвидировать «романовку». На следующий день, 5 марта, солдаты начали обстрел дома со всех сторон. Сотни пуль сверлили бревенчатые стены. Осажденные укрылись за баррикадами, но командир обороны Антон Костюшко-Валюжанич был тяжело ранен. Пуля, попавшая в бедро, прошла и глубоко засела в спине. Состояние его считали безнадежным, он

потерял сознание. Тут же, под пулями, на грязном полу Таня Жмуркина, невеста и верный товарищ по борьбе, сделала ему перевязку. Настроение осажденных упало, смерть Костюшко считалась неизбежной. Запасы продуктов кончились. На девятнадцатый день беспримерной осады «романовцы» решили сдаться и продолжать свой протест на суде. К этому времени слух о якутских событиях стал достоянием широкой общественности; протест уже не мог пройти бесследно. Решено было на судебном заседании выступить против произвола царизма, заклеить «кутайсовщину» и публично ее разоблачить.

В день сдачи, 7 марта 1904 года, Поротовская улица заполнилась народом. Сдача осажденных превратилась в революционную демонстрацию. Потрясенные жители Якутска с уважением глядели на исхудавшие, запыленные лица ссыльных. Два товарища на руках вынесли труп Юрия Матлахова, за ним на самодельных носилках несли тяжело раненого Антона Костюшко-Валюжанича. Штыки конвоя, усиленного казаками, сомкнулись, и печальное шествие, в сопровождении губернатора, полицмейстера, начальника воинской команды и других властей, тронулось по улицам к якутской тюрьме.

Полицейские торопливо снимали красный флаг с траурной лентой, развевавшийся над опустелой «романовкой»...

4

Посмотрев на Костюшко-Валюжанича, судебный следователь мрачно насупил брови. Бледный, исхудавший Костюшко равнодушно глядел на следовательский стол, заваленный бумагами, папками, книгами. На первом допросе все обвиняемые отказались давать какие-нибудь показания, и обескураженный следователь никак не мог найти «зачинщиков». Ему трудно даже было составлять обычные протоколы, так как «романовцы» оказались неразговорчивыми. Но протокол «дознания» надо было все-таки составлять и, покопавшись в документах, следователь вытащил официальный «статейный список». Эти «статейные списки» всюду следовали за ссыльными революционерами. Сухая казенная бумага сообщила о подсудимом немного:

«...Костюшко-Валюжанич, Антон Антонович, 27 лет.

Дворянин, сын подполковника, бывший студент Екатеринбургского высшего горного училища.

В тюрьме до приговора сидел 13½ месяцев.

По «высочайшему повелению» 12 февраля 1903 года выслан в Восточную Сибирь на 5 лет.

Участвовал в декабре 1901 года в уличной демонстрации в Екатеринославе, причем пел революционные песни, кричал «долой самодержавие», «свергнем дом Романовых», «да здравствует свобода» и дозволил себе насильственные действия над чинами полиции.

Назначен в Намский улус Якутского округа...»

Сведений в «статейном списке» было немного, но для протокола достаточно. Один за другим проходили перед следователем участники протеста. Все они решительно отказывались от показаний. Следователю пришлось закончить неудачные допросы казенной формулой: все 59 обвиняемых (двое были привлечены к суду как соучастники, оставшиеся на воле, для связи) «от дачи показаний отказались». Скрипучая машина царского суда вертелась безостановочно. В июле того же 1904 года окружной якутский суд приговорил обвиняемых к лишению всех прав и каторжным работам на 12 лет каждого. На суде обвиняемые произнесли речи не в свою защиту, а в обвинение царизму и его слугам. Антон Костюшко-Валужанич в «последнем слове» бросил открытый вызов своим судьям. Он заявил: «Десять дней я сижу на скамье подсудимых, но ни одной минуты за это время я не чувствовал себя подсудимым. Не считал таковыми и своих товарищей. И это не только

мое мнение... Ваш приговор не может иметь для меня никакого значения»...

Для революционера-большевика каторга была не страшна. «Романовский протест» прогремел на всю Россию. Телеграммы и письма многочисленных рабочих собраний приносили выражение сочувствия широких масс. Сотни ссыльных подавали заявления о своей солидарности с «романовцами». Правительство под нажимом общественности вынуждено было пойти на уступки. Расправившись с «романовцами», оно выполнило их требования, «кутайсовский режим» был отменен. Политическая ссылка вздохнула свободнее. «Романовский протест» достиг своей цели.

5

Осенью, с последними пароходами приговоренных к каторге «романовцев» отправили в Иркутск, а затем в Александровский централ. Вскоре после приговора Костюшко повенчался с Таней Жмуркиной. Официальный брак был необходим для того, чтобы при переводе на каторгу их не разделили по разным тюрьмам.

На каторге и в ссылке Таня желала быть неразлучной с родным человеком,

По ходатайству защитников, дело «романовцев» было назначено на пересмотр. Из Александровского центра каторжан перевели в Иркутскую тюрьму. Здесь Костюшко связался с местной партийной организацией РСДРП и просил содействия на случай побега.

Был незабываемый 1905 год. Алое зарево революции горело над пробуждающейся страной. Грозно гремели баррикады. Восставал броненосец «Потемкин». В центральной России полыхало крестьянское движение. Костюшко был в курсе всех событий. Он видел начинающуюся революцию, стремился быть в передовых рядах борцов. Жажда деятельности ставила перед ним задачу освобождения. Любым путем, хотя бы ценою жизни, он решил пробиться сквозь тюремные стены. Не дожидаясь пересмотра дела, при котором приговор «романовцам» был значительно смягчен, Костюшко, получив согласие Иркутского партийного комитета, стал готовиться к побегу.

Во время заключения в Иркутской и Александровской тюрьмах Антон написал книгу «Тактика уличного боя». В этой книге были тщательно разработаны планы и способы постройки баррикад, их оборона, методы действий восставших в условиях городских улиц и т. д. Так большевик использовал свой военно-тео-

ретический опыт, зная, что бескровных революций не бывает. Законченная рукопись была отправлена через Иркутский комитет в ЦК партии...

28 августа Таня Костюшко-Валюжанич родила в тюремной больнице мальчика. В соседней палате в это время лежал Антон, долечивая беспокоившую его рану. Пользуясь пребыванием в больнице, Костюшко подготовился к побегу. Он повидался с женой, поцеловал спящего сына и сообщил жене о своем решении покинуть ее, бежать, чтобы принять участие в революционной борьбе. Мужественная женщина одобрила планы Антона. Через два дня после рождения сына, в ночь на 31 августа Костюшко вынул заранее подпиленную решетку больничного окна. Скользя по веревке, он спустился в тюремный двор. Бушевавший ливень облегчил дальнейшие действия: часовые попрятались в будки, и, пользуясь темнотой, бесстрашный революционер добрался до ограды, забросил на нее железный крюк и очутился на свободе. За стенами тюрьмы, в условленном месте его поджидали верные люди. Несколько дней Костюшко скрывался в Иркутске на подпольных квартирах, а затем выехал в Читу. Выезд пришлось осуществить необычайным путем. Всеобщая за-

бастовка железнодорожников остановила движение по сибирской магистрали. Пробраться на запад к революционным центрам было невозможно. Костюшко пришлось пробиваться к ближайшему революционному городу—Чите. Чтобы не попасть в руки жандармов, он избрал окольный путь, выехав на пароходе по Байкалу в Усть-Баргузин. Оттуда, таежными тропами, через Карафтитские золотые прииски, вьючной дорогой—через Яблоновый хребет—можно было выйти к Чите. Под фамилией Григоровича, пользуясь фальшивыми документами и выдавая себя за техника-землеустроителя, отыскивающего новые переселенческие участки, Костюшко благополучно добрался до Читы. В последних числах октября 1905 года Костюшко-Валужанич связался с Читинской организацией большевиков и был введен в состав местного партийного комитета.

ЧИТИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

1

Революция 1905 года грозно ударила по самодержавному строю. Волны революции перекатились за Уральский хребет, в Сибирь.

Революционное движение в Сибири в это время достигло громадного размаха, особенно

в Чите, где была крепкая большевистская организация. Основными политическими лозунгами все нарастающего стачечного движения были: свержение самодержавия, конфискация всех помещичьих земель, восьмичасовой рабочий день.

С октября 1905 г. большевики в Чите развернули подготовку вооруженного восстания. Меньшевики открыто выступали против революционных мероприятий.

Костюшко, совместно с другими большевиками Читы, разоблачал соглашательскую тактику этих агентов буржуазии и предателей интересов рабочего класса, проводил большую агитационную и пропагандистскую работу среди рабочих, организуя массы на штурм самодержавия. Он призывал рабочих бороться во главе народных масс за полную победу буржуазно-демократической революции, как необходимого этапа на пути революции социалистической.

Начало 1905 года Чита отметила стачкой железнодорожников. Вслед за Читой начались забастовки железнодорожников в Иркутске и Слюдянке. Движение быстро шло на запад. Бастовали Красноярск, Тайга, Боготол—крупнейшие участки великого Сибирского пути. Полоса массовых митингов и демонстраций

отметила начало забастовки. Партийные большевистские организации, руководя забастовочным движением, развернули политико-воспитательную работу. Пропагандой были охвачены не только рабочие, но и войска, возвращающиеся на запад. Настроения местных гарнизонов и демобилизованных частей облегчали успех агитации. Солдаты ехали домой озлобленные неудачной войной с Японией, оскорбленные в своих патриотических чувствах предателями, бездарными начальниками, погубившими армию и флот. Опора самодержавия—армия стала революционизироваться. Солдаты открыто ругали правительство и царя.

Читинский комитет РСДРП(б), возглавляемый большевиками-ленинцами И. В. Бабушкиным, В. К. Курнатовским и А. А. Костюшко-Валюжаничем, готовился к активному выступлению. Основной задачей партийной работы было вооружение рабочих. Выполнение этого ответственного задания Комитет поручил Костюшко-Валюжаничу, работавшему под кличкой «товарищ Григорович». Связавшись с местным гарнизоном, большевик-агитатор приступил к работе. В это время читинские власти, отрезанные всеобщей забастовкой от центра и напуганные демон-

страциями, ничем себя не проявляли. Агит-работа среди солдат читинского гарнизона проходила успешно. Прибывший из Харбина казачий батальон, предназначенный «для усиления полицейской службы», распропагандированный большевиками, отказался от выполнения приказов своего командования. Во всех частях выбирались солдатские уполномоченные. На общевоинском совещании представители пехотинцев, казаков, артиллеристов, саперных частей и железнодорожного батальона по предложению партийного комитета, организовали первый в России «Совет солдатских и казачьих депутатов». Председателем Совета был избран большевик товарищ «Григорович»—Костюшко.

Через несколько дней после организации Совета, группа депутатов во главе с Антоном Костюшко явилась к военному губернатору Забайкальской области Холщевникову. Ветхий генерал принял солдат и выслушал их требования. Мы приводим некоторые из них:

1. Немедленное увольнение всех запасных и немедленная отправка их на родину.
2. Немедленная выдача командировочных денег.
3. Уравнять казачье сословие с остальными в деле отбывания воинской повинности.
4. Улучшить казарменное положение и обстановку.
5. Установить для солдат 8-часовой рабочий день,

6. Отменить казенную прислугу (денщиков).
7. Установить свободу и неприкосновенность личности солдата и установить вежливое обращение с ними на «вы».
8. Снять военное положение и не употреблять солдат и казаков для полицейской службы и усмирения освободительного движения.
9. Полное уничтожение дисциплинарных взысканий, налагаемых властью начальников без суда.
10. Полная свобода собраний.
11. Полная свобода солдатских союзов и обществ.
12. Свобода стачек военных и т. п. и т. д.

В заключение солдатские депутаты заявили, что они сочувствуют революции и будут помогать народу в его борьбе с царизмом.

В обычное время такие неслыханные для царской армии требования были бы названы бунтом, и делегатов тот же Холщевников отдал бы военно-полевому суду, но сейчас положение было иное. Холщевников был бессилен перед лицом организованных солдат. Он удовлетворил часть требований, об остальных обещал сообщить в Петербург, так как они превышали его права. Через день в читинском гарнизоне были отменены «денщики» и вскоре около 600 запасных уволены по домам. Офицеры стали говорить солдатам «вы».

Солдатские требования Совет отпечатал в казенной типографии и разослал с нарочными по сибирским гарнизонам и в манчжурскую

армию. Солдатская масса с восторгом приветствовала это революционное начинание. Ряд приветственных телеграмм Совет получил с кратким адресом «Чита Совету солдатских депутатов». Гарнизоны Красноярска, Иркутска, Сретенска, Нерчинска положили требования, выработанные в Чите, в основу своих выступлений...

Революционная Чита, выйдя из подполья, осуществляла свободу слова, собраний и печати. Костюшко с вооруженными отрядами занял типографии. Народ требовал революционную литературу, нужно было учить людей, звать их к организованной борьбе. Прокламации, листовки и воззвания выходили небывалыми для того времени тиражами по 50 тысяч экземпляров. Читинский комитет партии, не ограничиваясь листовками, начал выпускать большую массовую газету «Забайкальский Рабочий».

В газете печатали статьи, разъяснявшие основные вопросы программы и тактики партии, задачи текущей революционной борьбы. Второй номер газеты начинался статьей Ленина «Умиряющее самодержавие и новые органы народной власти».

Газета разоблачала предательскую роль ли-

беральной буржуазии и ее подсобников и верных агентов—меньшевиков и эсэров.

«Забайкальский рабочий» призывал пролетариат и крестьянство к самой решительной борьбе с самодержавием, помещиками и капиталистами.

«Рабочие, раз начав борьбу с самодержавием за демократическую республику, не могут остановиться на полпути... само существование РСДРП означает, что теперь пролетариат будет неуклонно идти к социализму, и нет той силы, которая совлекла бы его с этого пути»—писала газета (статья «Пролетариат, буржуазия и самодержавие», № 4).

Антон Костюшко был одним из организаторов этой первой большевистской газеты Забайкалья и активнейшим ее сотрудником.

После организации Совета солдатских и казачьих депутатов местные власти притаились, город жил бурной, свободной жизнью.

Продолжая работу по вооружению рабочих, комитет партии назначил Костюшко организатором вооруженных рабочих дружин. С отрядом распропагандированных солдат Костюшко захватил склад железнодорожного батальона и реквизировал там весь наличный запас—около 2.000 винтовок и огнеприпасы. Винтовки немедленно роздали рабочим. Читин-

ский пролетариат начал боевую учебу. Вооруженные дружины по плану Костюшко были разбиты на десятки. Во главе десятков ставились наиболее проверенные люди, отвечавшие за своих бойцов. Начальники десятков были инструкторами военного дела и в то же время политическими руководителями. Костюшко придавал огромное значение политической работе среди дружинников. Сам он работал, не зная отдыха, устраивал боевые учения, практические стрельбы, проводил политбеседы. Дни и ночи он находился в казармах, на собраниях, митингах и военных учениях. Даже близкие ему люди поражались неистощимой энергии «товарища Григоровича».

В конце ноября в Читу приехала Таня с сыном. Дело «романовцев» было пересмотрено. При вторичном рассмотрении всем «романовцам» каторгу заменили 2 годами заключения, а затем амнистировали. Антон Костюшко, хотя и числился бежавшим, но также был амнистирован. О его деятельности под фамилией Григоровича правительство не знало; привезенные Таней новости открывали возможность перейти на легальное положение, уехать в любое место и зажить тихо, семейной жизнью. Но Костюшко не думал о личной жизни. Как истинный большевик, он не пово-

рачивал назад. На квартире знакомого Кривоносенко Костюшко поселил Таню с ребенком. Сам он постоянной квартиры не имел. Редко удавалось ему провести час-другой в семье. Самоотверженная, беззаветная работа занимала все его время. Революционной Чите грозили опасности. Из далекой Манчжурии каждый день один за другим шли эшелоны демобилизованных. Измученные, изнервничавшиеся солдаты стремились домой. Солдатская масса роптала на медленное движение поездов. Военное командование умышленно задерживало эшелоны, всячески стараясь натравить солдат на рабочих. Демобилизованным частям оглашались официальные приказы, подписанные начальником тыла, генералом Надаровым. В этих приказах генерал-провокактор открыто заявлял, что движение воинских маршрутов срывают бастующие железнодорожники. Командиры эшелонов призывали солдат усмирить «крамольных забастовщиков». Но революционеры быстро разбили черносотенные провокации. Проезжающим войсковым частям раздавали листовку—обращение рабочих, вскрывавшее подлинные планы начальства. Не ограничиваясь встречной агитацией, забастовщики, в первую очередь Советы Читы и Красноярска, устроили от работы

саботирующих чиновников и взяли руководство движением по сибирской магистрали в свои руки. Вместо четырех эшелонов в сутки, намеченных к отправке на запад планами военного командования, железнодорожники стали отправлять двенадцать. Провожая демобилизованных, рабочие-агитаторы призывали солдат по возвращении на родину поддерживать дело революции.

В итоге политической агитации и ускорения движения эшелонов, Читинскому Совету удалось разрушить планы генералов и избежать столкновения с демобилизованными войсками.

2

К концу ноября 1905 года Костюшко-Валюжанич сформировал сводный вооруженный отряд рабочих дружин численностью в 2.000 человек. Вооружение рабочих на этом не закончилось. В тупиках ст. Чита дружинниками были обнаружены тринадцать вагонов военных грузов. По распоряжению Костюшко оружие было взято для нужд революции. Целый арсенал: 28.000 трехлинейных винтовок, патроны, большое количество взрывчатых веществ принял в свое ведение штаб вооруженных сил Читинского Совета. Оружия было

достаточно, нехватало только опытных командиров. Готовясь к будущим боям, комитет партии ясно представлял себе необходимость выдвижения командиров, людей проверенных в революционной работе, которым можно было бы доверить боевое и политическое воспитание дружинников. Недостаток таких людей мешал по-настоящему развернуть военную работу.

24 ноября делегация Читинского Совета явилась к губернатору Холщевникову с требованием освободить всех политических заключенных, в том числе и политкаторжан. Заключенные в Читинской тюрьме были выпущены на свободу, но от освобождения каторжан Холщевников отказался до распоряжения из Петербурга. Тогда, по решению партийной организации, в Акатуйский каторжный централ был направлен вооруженный отряд. Революционеры арестовали начальника каторги и освободили политических, в основной массе матросов, осужденных по делу за восстание на транспорте «Прут». Во главе отряда, освободившего акатуйских политкаторжан, стоял известный большевик—Виктор Константинович Курнатовский, один из руководителей «романовского протеста». За освобождение матросов, впоследствии, Курнатовский был аресто-

ван в Верхнеудинске (Улан-Удэ) карателем Меллером-Закомельским и приговорен военно-полевым судом к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

Революционная Чита с триумфом встретила освобожденных матросов. Они сразу же встали на боевые посты. Костюшко-Валюжанич нашел в бывших политкаторжанах достойных помощников, пополнивших кадры командиров дружин...

В годовщину восстания декабристов, 14 декабря 1905 года, Чита увидела небывалое величественное зрелище. Главный руководитель вооруженных сил, товарищ «Григорович» — Костюшко проводил общественный смотр рабочих дружин.

Тысячи рабочих с винтовками на плечах, в полном боевом порядке прошли по улицам города. Все население вышло смотреть этот праздник. Бесконечные ряды дружинников шли в ногу, как на параде. За ними шествовала неисчислимая масса горожан. Многие шли целыми семьями, несмотря на мороз. Гремела музыка. Огненные полотнища знамен реяли над крышами зданий и над демонстрантами. На плакатах смело кричали большевистские лозунги. На перекрестках улиц возникали митинги.

И долго в этот день гремела песня восстания:

...Вихри враждебные веют над нами...

3

Вихри враждебные готовились в царской столице. В то время, когда на улицах Читы шла демонстрация, в далеком Петербурге, в Зимнем дворце «венценосец» Николай Кровавый слушал очередной доклад своего министра графа Витте.

«...Положение на сибирских дорогах таково, что скоро будет поздно предпринимать решительные меры. Вместо войск, способных подавлять в стране революцию, мы скоро будем получать из Манчжурии толпы вооруженных бунтовщиков, что явится прямой угрозой государственному строю...»

Министр почт и телеграфов сообщал, что нормальная связь с Сибирью совершенно прервана. Министр путей сообщения доносил, что из Сибири приходят исключительно воинские поезда, остальное движение прекращено. Доклады министров привели царя в панику. Особое совещание разработало план ликвидации революционных центров в Сибири. Царь был готов подписать и одобрить любой план расправы с народом, лишь бы задушить революцию.

Основа плана, утвержденного Николаем, была такова: одновременно, с запада и с востока, в Сибирь отправляются две карательные экспедиции, в состав которых входят только надежные войсковые части с полным боевым вооружением, включая артиллерию. В своем встречном движении экспедиции должны были беспощадно раздавить революционную Сибирь. Военный министр Редигер назначил начальниками карательных экспедиций генералов—Меллера-Закомельского и Рененкампа. Свитский генерал Рененкампф отсиживался в это время в тылу Манчжурской армии, в Харбине, а Меллер-Закомельский только что прославился как отъявленный палач, «усмирив» Севастопольское восстание. Оба генерала именным указом царя были наделены неограниченными полномочиями. Каратели заторопились. Каждый хотел выслужиться, быстрее доказать свою верноподданность, расправиться с восставшим народом по-своему. Чите суждено было стать тем пунктом, где экспедиции карателей встретились.

Военные штабы постарались. Формирование и вооружение карательных отрядов было проведено в кратчайший срок. В ночь на новый 1906 год генерал Меллер-Закомельский повел

свои эшелоны из Москвы на восток. А через девять дней двинулись из Харбина карательные поезда Рененкампа. Он запоздал не по своей вине. Для того, чтобы передать Рененкампу царский указ, так как сибирский телеграф не работал, правительству пришлось передавать депешу кругом земного шара, через Европу и Америку в Японию. Из Нагасаки депеша была доставлена по назначению. Сам главнокомандующий русской армией на востоке, Линевиц, снаряжал Рененкампа. С двух сторон покатались карательные отряды к Чите.

Меллер-Закомельский шел по Сибири «победоносно», усмиряя по пути демобилизованных запасных, расстреливая, вешая, запарывая нагайками без разбора всех «подозрительных». Генерал Меллер-Закомельский полагал, что самое важное «нагнать страху». Путь карателя по Сибири был путем убийств. На станциях—Иланская, Мысовая, Могзон захваченных железнодорожников сначала пороли плетью, потом расстреливали. Меллер ехал крайне недовольный местными сибирскими властями, успевшими кое-где к его приезду самостоятельно расправиться с революционным народом. По пути к Красноярску генерал мечтал «взять город штурмом» и с разочаро-

ванием узнал, что Красноярское восстание только что подавлено. Не задерживаясь поэтому в Красноярске, Меллер-Закомельский помчался дальше. На станцию Иланская эшелон прибыл в то время, когда в ж. д. депо шло рабочее собрание. Получив донесение, Меллер-Закомельский окружил здание и открыл стрельбу по безоружным рабочим и их семьям. Десятки рабочих были убиты, число раненых не удалось точно установить. В Нижнеудинске Меллер-Закомельский узнал о том, что рабочие заперлись в ж. д. клубе. Генерал-палач решил не терять времени и расстреливал рабочих сквозь тонкие барачные стены; всех выходивших на улицу убивали на месте. Кровь, трупы, слезы вдов и сиротелых детей оставались на сибирских станциях после ухода меллеровских эшелонов. Генерал не давал пощады ни женщинам, ни детям. Несовершеннолетних расстреливали вместе со стариками. На Кругобайкальской железной дороге Меллер захватил группу рабочих, сопровождавших транспорт оружия. Во главе группы был выдающийся революционный деятель, большевик, рабочий Иван Бабушкин. Меллер-Закомельский расстрелял большевика Бабушкина вместе с пятью его товарищами.

Генерал Рененкампф двигался на запад не менее быстро, чем Меллер на восток. В эшелонах Рененкампфа находились новые орудия, которые не успели использовать против японцев. Рененкампф испробовал новое вооружение на русских рабочих. В поезде генерала, по слухам, везли даже готовую походную виселицу. Станции—Седловая, Оловянная, Борзя помнят проклятого карателя. Расстреливая, вешая, закалывая штыками, двигался Рененкампф к Чите. В вагонах смертников сидели осужденные и заложники. Заложников Рененкампф набирал на всех станциях. С дороги каратель послал в Читу телеграмму, в которой предупреждал, что, в случае покушения на его жизнь, все заложники будут незамедлительно расстреляны.

4

Железные тиски карательных экспедиций сжимались, подходя к Чите. Город жил паническими слухами о подавлении Московского восстания, о гибели Красноярского Совета и жестоких расправах с восставшими. Читинские большевики в январе 1906 года уже имели точные сведения об усмирениях в Европейской России и движении карательных отрядов по Сибири.

Партийный комитет обсуждал планы борьбы. Положение было исключительно тяжелое. Демобилизованный гарнизон разъехался по домам, вооруженные силы Читинского Совета значительно ослабли. От наступательного плана действий пришлось перейти к оборонительному. Костюшко-Валужанич составил план обороны Читы. Он предложил превратить громадное здание железнодорожных мастерских в укрепленную крепость, мобилизовав для этой работы все наличные силы и средства. Затем Костюшко наметил выезд на магистраль, в оба конца, нескольких отрядов подрывников. Подрывники должны взрывать мосты и полотно, а специальные группы, кроме того, организовать взрывы карательных поездов. Взрывчатых веществ в распоряжении восставших имелось большое количество.

План Костюшко был принят на специальном совещании Комитета. Но способных организаторов дела, исполнителей хорошо разработанного плана не нашлось. Начались дезертирства примазавшихся трусов. Недоставало проверенных опытных людей, чтобы возглавить все мероприятия обороны. Два отряда подрывников, высланные навстречу Рененкампу, вернулись ничего не сделав. Положение осложнялось работой провокаторов и черносотенных

обывателей, опутавших город сетью панических слухов. Темные силы, притаившиеся в подполье, подняли голову. Жандармы уже составляли «черные списки». Недавно прибывшие в Читу два пехотных полка держались выжидательно и от связи с Советом отказались. Только железнодорожный батальон оставался верным делу революции. Дружинники приуныли. Костюшко-Валюжанич укрепил часть здания мастерских и сосредоточил там все запасы оружия, патронов и взрывчатых веществ. По сигнальным гудкам в мастерские каждый день сходились рабочие, укрепляли здание, проводили боевые тревоги, беседовали.

Неумолимая развязка приближалась. Утром 20 января 1906 года, в сопровождении стрелковой части, в Читу приехал генерал Сычевский, назначенный Рененкампом военным губернатором Забайкалья. Сычевский вошел в город без сопротивления и сначала рабочих не тронул. Первым делом он отстранил от должности и арестовал бывшего губернатора Холщевникова. За «бездеятельность власти» Рененкамп решил бывшего губернатора предать военно-полевому суду. После ареста Холщевникова, генерал Сычевский ночью разоружил железнодорожный батальон. Последняя воинская часть, преданная Совету, лишенная

оружия, была заключена в казарме под охраной рененкамповских стрелков.

На следующий день, 21 января, конные разъезды, высланные впереди медленно движущегося карательного эшелона, появились на окраинах Читы. В тот же день, несколько позднее, с запада прибыли поезда Меллера-Закомельского.

На рассвете 21 января генерал Сычевский, от имени Рененкампа, предъявил железнодорожникам ультиматум: в 24 часа сдать оружие и встать на работу. Все, захваченные с оружием после 12 часов дня 22 января, будут преданы военно-полевому суду, сопротивляющиеся будут расстреливаться на месте. С прибытием Меллера-Закомельского Чита была окружена войсками. Запоздавший на несколько часов Меллер-Закомельский вынужден был подчиниться Рененкампу, успевшему посадить в городе своего губернатора. Но все же ретивый палач не удержался, предложил Рененкампу обстрелять артиллерией здание железнодорожных мастерских, над которым развевался красный флаг. Рененкамп дипломатично отклонил предложение Меллера-Закомельского. Разрушение мастерских могло надолго задержать восстановление нормального движения по Сибирской магистрали. Кроме

того, Рененкампф был осведомлен, что в здании мастерских находятся большие запасы винтовок и взрывчатых веществ. Захватив это вооружение, Рененкампф мог послать царю более пышный рапорт о своей деятельности. На всякий случай к вечеру 21 января эшелоны были выгружены, на окрестных сопках поставлены орудия. В городе появились посты и патрули, все еще избегавшие приближаться к району мастерских. Холодный, мрачный вечер опустился над обреченной Читой. В шесть часов, когда уже стало смеркаться, раздался резкий, протяжный гудок. В мастерских был объявлен последний сбор вооруженных дружин. Тревожный гул привел в беспокойство карателей, по улицам, ведущим к вокзалу, проскакало несколько ординарцев, но гудок затих. Редкими кучками, по два, по три человека, с винтовками за плечами шли дружинники к темной громаде мастерских.

В 11 часов ночи дали второй гудок, потом третий. После полуночи открылось рабочее собрание. Костюшко сделал сообщение о готовности здания к обороне и о запасах оружия. К двум часам ночи явилась делегация городских жителей с просьбой: отказаться от дальнейшей борьбы, грозящей тяжелыми последствиями всему населению. В три часа

Ночи состоялось вторичное собрание, на котором присутствовало около 200 дружинников. Борьба с такими силами была бы бесцельным кровопролитием, это стало ясным каждому, но все-таки дружинники ждали решения партийной организации. Выступивший представитель Читинского комитета партии коротко рассказал о положении в Сибири и в России; он заявил, что революция на время уйдет в подполье и сообщил решение комитета партии. В создавшихся условиях комитет считал начать активные действия невозможным. Всем собравшимся было предложено разойтись по домам, оружие, если есть возможность, спрятать. Рабочие стали молча расходиться.

Такое решение Читинского Комитета было вполне правильным. Читинские большевики, в решающий для Читы момент, поступили как трезвые революционеры, учтя, что при сложившейся обстановке, сопротивление бесцельно и будет пагубно для всей организации.

Правильная тактика комитета спасла Читинскую организацию от разгрома карателей.

После подведения итогов революционных событий 1905 г., Читинский комитет писал: «Читинское восстание показало наглядно, что революция имеет силу постольку, поскольку ее отдельные моменты связаны друг с другом.

Оно неустанно будет доказывать, что правительство всегда способно раздавить отдельные вспышки и восстания. Оно учит и требует, чтобы следующее выступление было одновременным, чтобы не было отдельных восстаний в Чите, Красноярске, Нижнем, Москве и т. д., а чтобы восстание пролетариата и крестьянства было всероссийским. А для этого нужна широкая и прочная организация рабочих в социал-демократическую партию, нужно, чтобы масса рабочих поняла, что в политической борьбе сила и успех каждого класса непосредственно зависят от силы и успехов его политической партии... Итак, товарищи, мы видим, что нет места унынию. Вперед же, за работу! Организуйтесь в социал-демократическую партию, зовите туда своих менее сознательных и менее решительных товарищей, распространяйте партийную литературу, вооружайтесь и готовьтесь! Ждать недолго. Новый бой не за горами!»¹

¹ «Забайкальский рабочий» орган Читинского комитета РСДРП, № 6 от 12 февраля 1906 г.

СМЕРТЬ БОЛЬШЕВИКА

1

Невеселая ночь подходила к концу. В рабочих квартирах прятали уцелевшие винтовки. Дежурные артиллеристы на холмах, окруживших Читу, грелись у костров. Генерал Меллер-Закомельский собирался в обратный путь. Охранка уже начинала свою работу. Читинские революционеры допустили большую ошибку, сохранив жизнь и свободу жандармам и шпионам. Как только стрелки нового губернатора заняли город, руководитель Читинской охраны, ротмистр Балабанов, явился к Сычевскому с докладом. Жандарм имел список и адреса виднейших деятелей Читинского восстания, членов солдатского Совета, партийных работников и других «подозрительных» лиц, намеченных жандармерией к аресту. Патрули и шпики рассыпались по городу...

Антон Костюшко, вместе с освобожденными из Акатуя политкаторжанами-матросами, по решению Комитета партии должен был покинуть Читу. Были уже приготовлены лошади. Антон задержался, чтобы проститься с женой и сыном. Квартира Кривоносенко, где проживала Таня Костюшко, была первой в жандармском списке, представленном губернатору

Сычевскому. Ротмистр Балабанов с отрядом солдат ворвался в дом в тот момент, когда Костюшко, не боясь опасности, попрощался с семьей и товарищами. Всех мужчин, находившихся в доме, арестовали. Их было восемь человек: Костюшко («Григорович»), Цупсман—служащий товарной станции, Столяров—рабочий, Вайнштейн—служащий ж. д. потребительской лавки, П. Кларк и Кузнецов—бывшие политические ссыльные, рабочий Кривоносенко и приказчик Качаев. Под усиленным конвоем арестованных доставили в Читинскую тюрьму. Каратель Рененкампф начал расправу. Предварительное следствие велось кое-как «по законам военного времени». Прямых улик против обвиняемых не было, но Рененкампф о соблюдении судейских правил не заботился. Все обвиняемые были преданы полевому суду. Костюшко-Валюжанич был, конечно, главной фигурой процесса, как личность хорошо известная всей Чите. Он признал свое участие в организации вооруженных дружин, его статьи в «Забайкальском Рабочем» делали невозможным запирательство в этом. Но от дальнейших разговоров со следователем Костюшко отказался. Никакие угрозы не могли поколебать его молчание. Судили Костюшко под кличкой—Иосиф Николаевич Григорович. Ка-

рателям не удалось раскрыть прошлую деятельность и подлинное имя бесстрашного большевика.

28 февраля открылось заседание военно-полевого суда. Председатель суда полковник Тишин получил специальное указание Рененкампа: «судить по всей строгости законов». Судебное следствие было проведено только для соблюдения формальностей: как-никак о приговоре руководителям Читинского восстания должна была узнать вся Россия. Свидетелями были выставлены только полицейские и охранники. Судейская машина закрутилась без помехи.

„...Сообразив все обстоятельства дела и выслушав показания свидетелей и заключительные прения сторон, суд признал виновными подсудимых... в том, что они, участвуя в читинских обществах, устроенных для насильственного изменения в России основными законами установленного образа правления и ограничения верховной власти царствующего монарха, в конце 1905 г. и в начале 1906 г. с этой целью вели пропаганду среди служащих и рабочих Забайкальской железной дороги и местного населения, причем Григорович принимал участие на митингах означенных рабочих и служащих в качестве оратора, возбуждал к захвату правительственного телеграфа в руки народа, организовывал из рабочих боевую дружину, вооружив ее захваченными у правительства винтовками; путем насилия вооруженными дружинами и угроз смертью пытался арестовать помощника полицейского надзира-

теля Семова, совершая означенные действия с целью приготовления к вооруженному восстанию, направленному к ограничению верховной власти священной особы царствующего императора»...

Из здания суда осужденных доставили на вокзал. Там в конце карательного эшелона стояли вагоны смертников. Приговор и решение Рененкампа осужденные слышали уже в вагоне смертников. Каратель «смягчил» приговор суда—двум обвиняемым заменил казнь каторгой, а остальным: Костюшко, Цупсману, Вайнштейну и Столярову была «оказана милость»: вместо виселицы—расстрел. Для кассационной жалобы были назначены неизбежные 24 часа.

Накануне расстрела осужденным дали свидание. В вагон привели рыдающую Таню с ребенком. Антон Костюшко, утешая плачущую жену, покачал на руках сына, простился, спокойно и долго смотрел вслед им из решетчатого окна арестантского вагона. Часовые в узком коридоре угрюмо старались глядеть в сторону.

Наступила последняя ночь. Утром 2 марта истек срок кассации. Истомленные бессонной ночью, осужденные молча выслушали объявление полковника Тишина об утверждении приговора. Цупсман стал ругать судью, но успокоенный Костюшко затих. Пришедший с

Тишиным поп, после окончательного объявления смертного приговора, подошел к смертникам с предложением «исполнить христианский долг». Возмущенный Костюшко отстранил попа со словами: «Как вам не стыдно, убирайтесь вон отсюда...» Судья вместе с ошеломленным попом поспешили уйти. Наступали последние минуты. Взволнованный Антон Костюшко обратился с речью к конвойным солдатам:

«...Вы слышали наш приговор. Мы боролись за народную свободу, добывали народу землю и волю. За это генерал Рененкампф со своим судом приказывает вам расстрелять нас. Вы нас не знаете и потому, исполняя приказ начальства, расстреляете. Но вскоре, вслед за нами, суд Рененкампфа будет судить читинских солдат и казаков за то, что они не пошли против народа. Они такие же солдаты как и вы, они ваши братья, и поэтому вы должны отказаться расстреливать их. Теперь же, перед лицом своей смерти, я желаю вам поскорее освободиться от солдатчины и поскорее добыть себе волю»...

Часовые солдаты, смахивая слезы, пользуясь отсутствием офицера, пожимали Костюшко руку. Товарищи осужденных плакали, не скрывая своих слез. Около трех часов дня войска очистили вокзал от посторонней публи-

ки. Усиленные посты заняли все проходы. Молодой офицер вбежал в вагон и задыхающимся голосом произнес слова:

«...Господа осужденные, прошу приготовиться»...

«Помилованные» на каторгу бросились прощаться. Остающимся в живых было тяжело провожать друзей на смерть. Рыдания, слезы, судорожные объятия взвинтили настроение. П. Кларк, товарищ осужденных по процессу, получивший 15 лет каторги, вспоминает об этой минуте: «особенно тяжело было терять такого кристально-чистого, умного, энергичного и самоотверженного человека, как товарищ Григорович. А он? Он был совершенно спокоен и еще нас успокаивал...»

Первым из вагона вышел Костюшко, за ним Цупсман, который снял в вагоне пальто и остался в красной рубашке. На платформе вокзала густые ряды конвоя, под командой офицера-палача Шпилевского, оцепили осужденных непроницаемой стеной штыков.

...Место казни находилось на небольшом холмике, вблизи вокзала, на виду у города. Возле вырытых ям торчали столбы. К столбам подвели осужденных. Костюшко поддерживал под руку шатавшегося от нервного волнения Вайнштейна. Стоял серый, предвесенний день.

Толпа, собравшаяся посмотреть казнь, глухо волновалась. Генерал Рёненкампф смотрел на расстрел из окон своего салон-вагона. У столба Костюшко, от имени всех товарищей, потребовал не привязывать их к столбам и не завязывать глаз. Поручик Шпилевский, распоряжавшийся казнью, не осмелился возражать. Принесенные веревки унесли в сторону. Приговоренные сами встали у столбов. Пока напротив осужденных выстраивался взвод, Столяров крикнул стрелкам:

«Товарищи солдаты, стреляйте в сердце, чтобы нам не мучиться»...

Когда солдаты замерли ровной шеренгой, Антон Костюшко-Валюжанич скинул на землю шапку и обратился к войскам с последним словом:

«...Братья солдаты, мы умираем в борьбе за свободу и лучшее будущее всего русского народа. Знайте, придет день»...

В это время раздалась команда и ударил залп. Трое осуждённых: Цупсман, Столяров и Вайнштейн, взмахнув руками, упали и остались неподвижны. Костюшко стоял у столба невредимый: его не тронула ни одна пуля. Не обращая внимания на выстрелы, Костюшко смотрел вниз. Там, возле холма, стояла толпа зрителей. Вдруг глаза революционера закрылись.

В толпе он увидел жену, бьющуюся на чьих-то руках в истерическом припадке. Это зрелище было для него тяжелее всего. Расстреливающие солдаты тряслись как в лихорадке. Грянули еще два нестройных залпа. С перебитыми ногами Костюшко грузно упал к подножию столба. Он был еще жив, и подбежавший к столбу поручик Шпилевский, дико ругаясь, добил его выстрелом из нагана. Толпа, стоявшая внизу, с ужасом наблюдала кошмарное убийство. Потом брякнул барабан, и войска прикладами разогнали зрителей. Таню Костюшко сердобольные люди унесли в глубоком обмороке. Солдаты свалили тела казненных в приготовленные ямы и утоптали землю ногами.

2

На могилах борцов за народное дело через несколько дней появился алый флаг. Затем в одну ночь из камней была выложена надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Власти поставили возле могил часового. Летом холм зарос травой, и следы кровавой расправы исчезли. «Могила вашего мужа и его товарищей неизвестна»... писали в 1917 году Тане Костюшко из Читы.

Многое забылось за одиннадцать лет, минувших между двумя революциями, но славная память о самоотверженной жизни большевика Антона Антоновича Костюшко-Валюжанича вечно жива в бессмертном народе. Яркий образ воспитанника большевистской партии, погибшего за дело коммунизма, никогда не забудут свободные граждане первого в мире социалистического государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Годы исканий	3
Школа революции	14
В партии восходящего класса	21
Места отдаленные	29
Читинское восстание	57
Смерть большевика	80
Литература и источники	89
